

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Карел Чапек

Сказка про водяных

Если вы, ребята, думаете, что водяных не бывает, то я вам скажу, что бывают, и ещё какие!

Вот, например, хоть бы и у нас, когда мы ещё только на свет родились, жил уже один водяной в реке Упе, под плотиной, а другой в Гавловицах – знаете, там, возле деревянного мостка. А ещё один проживал в Радечском ручье. Он–то как раз однажды пришёл к моему папаше–доктору вырвать зуб и за это ему принёс корзинку серебристых и розовых форелей, переложенных крапивой, чтобы они были всё время свежими. Все сразу увидели, что это водяной: пока он сидел в зубоврачебном кресле, под ним натекла лужица. А ещё один был у дедушкиной мельницы, в Гронове; он под водой, у плотины, держал шестнадцать лошадей, потому–то инженеры и говорили, что в этом месте в реке шестнадцать лошадиных сил. Эти шестнадцать белых коней всё бежали и бежали без остановки, потому и мельничные жернова всё время вертелись. А когда однажды ночью дедушка наш умер, пришёл водяной, выпряг потихоньку все шестнадцать лошадей, и мельница три дня не работала. На больших реках есть водяные–велиководники, у которых ещё больше лошадей – скажем, пятьдесят или сто; но есть и такие бедные, что у них и деревянной лошадки нет.

Конечно, водяной–велиководник, скажем, в Праге, на Влтаве, живёт баринoм: у него есть, пожалуй, и моторная лодка, а на лето он едет к морю. Да ведь в Праге и у иного мошенника–греховодника порой денег куры не клюют, и раскатывает он в автомобиле – ту–ту! – только грязь летит из–под колёс! А есть и такие захудалые водяные, у которых всего добра – лужица с ладонь величиной, а в ней лягушка, три комара и два жука–плавунца. Иные прозябают в такой мизерной канавке, что в ней и мышь брюшка не замочит. У третьих за целый год только и доходу, что пара бумажных корабликов и детская пелёнка, которую мамаша упустит во время стирки... Да, это уж бедность! А вот, к примеру, уратиборжского водяного не меньше двухсот тысяч карпов да ещё вдобавок лини, сазаны, караси и, глядишь, здоровенная щука... Что говорить, нет на свете справедливости!

Водяные вообще–то живут одиноко, но так раз–два в году, во время паводка, собираются они со всего края и устраивают, как говорится, окружные конференции. В нашем краю всегда съезжались они в половодье на лугах возле Кралова Градца, потому что там такая красивая водная гладь, и прекрасные омуты, и излучины, и затоны, высланные самым мягким илом высшего сорта. Обычно это жёлтый ил или немного коричневатый, если же он красный или серый, то он уже не будет таким нежным, словно вазелин... Так вот, найдя себе подходящее место, все они усаживаются и рассказывают друг другу новости: скажем, что в Суховершиче люди облицевали берег камнем, и тамошний водяной... как, бишь, его?... старый Иречек, должен оттуда переселиться; что ленты и горшки подорожали – просто беда: водяному, чтобы кого–нибудь поймать, приходится покупать ленточек на тридцать крон, а горшок стоит минимум три кроны, да и то с браком, прямо хоть бросай ремесло и берись за что–нибудь другое! И тут кто–то из водяных рассказывает, что яромержский водяной Фалтыс... ну, тот, рыжий!..уже подался в торговлю: продаёт минеральные воды; а хромой Слепанек стал слесарем и чинит водопроводы; и многие другие тоже переменили профессию.

Понимаете, ребяташки, водяной может заниматься только тем ремеслом, в котором есть что–нибудь от воды: ну, например, может быть он подв одни к ом или пров одни к ом, или, скажем, может писать в книжках вв одну ю главу; или быть зав одилой или в одителем трамвая, или выдавать себя за руков одителя или за хозяина завода, – словом, какая–нибудь в ода тут должна быть.

Как видите, профессий для водяных хватает, потому–то и водяных остаётся всё меньше и меньше, так что, когда они друг друга считают на ежегодных собраниях, слышны грустные речи:

"Опять нас на пять душ меньше стало, ребята! Так наша профессия понемногу совсем вымрет".

– Н–да – говорит старый Крейцманн, трутновский водяной, – уж нет того, что было! О–хо–хо–хо–хо, много тысяч лет прошло с тех пор, как вся Чехия была под водой, а человек – вернее, тьфу ты, водяной, ведь тогда людей ещё не было, время было не то... Ах, батюшки, на чём я остановился–то?

– На том, что вся Чехия была под водой, – помог ему гавловицкий водяной Зелинка.

– Ага, – сказал Крейцманн. – Тогда, стало быть, вся Чехия была под водой, и Жалтман, и Красная гора, и Кракорка, и все остальные горы, и наш брат мог, ног не засушив, пройти себе прекрасно под водой хоть из Брно до самой Праги! Даже над горой Снежкой воды было на локоть... Да, братцы, это было времечко!

– Было, было... – сказал задумчиво ратиборжский водяной Кулда. – Тогда и мы, водяные, не были такими отшельниками–пустынниками, как сейчас. И у нас были подводные города, построенные из водяных кирпичей, а мебель вся была выточена из жёсткой воды, перины – из мягкой дождевой воды, и отапливались тёплой водой, и не было ни дна, ни берегов, ни конца ни краю воде – только вода и мы.

– Да уж, – сказал Лишка, по прозвищу Леший, водяной из Жабоквакского болота.

– А какая вода тогда была! Ты мог её резать, как масло, и шары из неё лепить, и нитки прясть, и проволоку из неё тянуть. Была она, как сталь, и как лён, и как стекло, и как пёрышко, густая, как сметана, а прочная, как дуб, а грела, как шуба. Всё, всё было сделано из воды. Что толковать, теперь разве такая вода! – И старый Лишка так сплюнул, что образовался глубокий омут.

– Да, была, да сплыла, – в раздумье произнёс Крейцманн. – Хороша была вода, словно ещё и недавно, а вот была – да сплыла. И вдобавок была она совсем немая!

– Как же это? – удивился Зелинка, который был помоложе других водяных.

– Ну, немая, совсем не говорила, – начал рассказывать Лишка–Леший. – Голоса у неё никакого не было. Такая была тихая и немая, как теперь бывает, когда замёрзнет или когда выпадет снег... И вот полночь, ничто не шелохнётся, а кругом так тихо, такая тихая тишь, что прямо жутко: высунешь голову из воды и слушаешь, а сердце так и сжимается от этой страшной тишины. Так–то тихо было в ту пору, когда вода была ещё немая.

– А как же, – спросил Зелинка (ему ведь было всего семь тысяч лет), – как же она потом перестала быть немой?

– Это случилось так, – сказал Лишка.. – Мне это рассказывал мой прадедушка и говорил, что было это уже добрый миллион лет тому назад... Так вот, жил–был в ту пору один водяной... Как его, бишь, звали? Ракосник не Ракосник... Минаржик? Тоже нет... Гампл? Нет, не Гампл... Павлишек? Тоже нет... Господи ты боже, как же его звали?

– Арион, – подсказал Крейцманн.

– Арион! – подтвердил Лишка. – Вот, прямо уж на языке было, Арион его звали. И этот Арион имел, скажу я вам, такой дивный дар, такой талант ему был от бога даден, ну, такое дарование у него было, понятно? Он умел так красиво говорить и петь, что у тебя сердце то прыгало от радости, то плакало, когда он пел, – такой он был музыкант.

– Певец, – поправил Кулда.

– Музыкант или там певец, – продолжал Лишка, – но своё дело он знал, голубчики! Прадедушка говорил, что все ревмя ревели, когда он пел. Была у него, у того Ариона. в сердце великая боль. Никто не знает какая. Никто не знает, что с ним приключилось. Но, должно быть, большое горе, раз он пел так прекрасно и так грустно... И вот, когда он под водой так пел и жаловался, дрожала каждая капелька воды, словно она слезинка. И в каждой капельке осталось что–то от его песни, пока эта песня пробивалась сквозь воду. Потому вода уже больше не немая. Она звучит, поёт, шепчет и лепечет, журчит и булькает, мурлычет и рокочет, шумит, звенит, ропщет и жалуется, стонет и воет, бурлит и ревёт, плачет и гремит, вздыхает, стонет и смеётся; то звучит, как серебряная арфа, то тренькает, как балалайка, то поёт, как орган, то трубит, как охотничий рог, то говорит, как человек в радости или печали. С той поры разговаривает вода на всех языках на свете и рассказывает вещи, которые никто не понимает, – так они чудесны и прекрасны. А меньше всего понимают их люди. Но куда не появился Арион и не научил воду петь, была она совсем немая, как немо сейчас небо.

– Но небо в воду опустил не Арион, – сказал старый Крейцманн. – Было то уже позднее, при моём батюшке – вечная ему память! – и сделал это водяной Кваквакоакс, и всё ради любви.

– Как это было? – спросил молодой Зелинка.

– Было это так. Кваквакоакс влюбился. Он увидел принцессу Куакуакунку и запылал к ней любовью, квак! Куакуакунка была прекрасна. Представляете: золотистое лягушечье брюшко, и лягушечьи лапки, и лягушечий рот от уха до уха, и вся она была мокрая и холодная. Вот какая была красавица! Теперь уж таких нет...

– А дальше что? – нетерпеливо спросил водяной Зелинка.

– Ну, что могло быть? Куакуакунка была прекрасна, но горда. Она только надувалась и говорила "квак". Кваквакоакс совсем обезумел от любви. "Если пойдёшь за меня замуж, – сказал он ей, – я подарю тебе всё, что только пожелаешь". И тут она ему сказала: "Тогда подари мне небесную синеву, квак!"

– И что же сделал Кваквакоакс? – спросил Зелинка.

– Что ему было делать? Он сидел под водой и жаловался: "Ква–ква, ква–ква, ква, ква–ква, ква!" А потом решил лишить себя жизни и потому бросился из воды в воздух, чтобы в нём утопиться, квак! Никто до него ещё в воздух не бросался – Кваквакоакс был первым.

– И что же он сделал в воздухе?

– Ничего. Посмотрел вверх, а над ним было синее небо. Поглядел вниз, а под ним было тоже синее небо. Кваквакоакс ужасно удивился. Ведь тогда ещё никто не знал, что небо отражается в воде. И когда Кваквакоакс увидел, что небесная синева уже в воде, он от удивления воскликнул "квак" и опять бросился в воду. А потом посадил Куакуакунку себе на спину и вынырнул с ней на воздух. Куакуакунка увидела в воде синее небо и от радости воскликнула: "Ква–ква!" Потому что, выходит, Кваквакоакс подарил ей небесную синеву.

– А что было дальше?

– Ничего. Жили потом оба очень счастливо, и народилось у них множество лягушат. И с той поры вылезают водяные иногда из воды, чтобы видеть, что и у них дома тоже есть небо. А когда кто–нибудь покидает свой дом, кто бы он ни был, он оглядывается назад, как Кваквакоакс, и видит, что там, дома то есть, и есть настоящее небо. Самое настоящее, синее и прекрасное небо.

– А кто это доказал?

– Кваквакоакс.

– Да здравствует Кваквакоакс!

– И Куакуакунка!

В эту минуту шёл мимо один человек и подумал: "Что это тут лягушки не вовремя расквакались?"

Поднял камень и кинул его в болото.

В воде что–то булькнуло, плюхнуло; полетели брызги высоко–высоко. И стало тихо: все водяные нырнули в воду и теперь только в будущем году соберутся на свою конференцию.